

УДК 94(470.6) "1930"

ГАДИЦКАЯ Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Сочинского института – филиала Российского университета дружбы народов (354348, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский р-н, ул. Куйбышева, 32; marinagaditskay@mail.ru)

ПОСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ В 1930-х гг.

Аннотация. В статье раскрываются инфраструктурные изменения в сельских населенных пунктах Юга России, обусловленные колхозным строительством. Автор отмечает позитивные и негативные тенденции в поселенческом обустройстве; показывает, как менялся внешний облик поселений, особенно во второй половине 1930-х гг., и какие блага цивилизации стали доступными сельским жителям в результате советских преобразований. В статье объясняется, почему многие проблемы благоустройства так и не были решены к исходу 1930-х гг.

Ключевые слова: агрогорода, благоустройство, коллективизация, разрушения, ремонт, села, сельские советы, станицы, строительство, хутора

Для сторонников советской власти – современников процесса становления колхозной системы улучшающийся внешний вид поселений был необходим для обоснования правильности политического курса на сплошную коллективизацию, поэтому они обращали внимание в большей мере на позитивные примеры, нежели на реальные проблемы поселенческого благоустройства. Взвешенные, неидеологизированные оценки начали появляться только в современной российской историографии. Отметим справедливость мнения А.П. Скорика о темпорально выраженной дихотомии этих изменений. Основываясь на изучении состояния донских, кубанских, терских казачьих станиц в 1930-х гг., исследователь правомерно указывает на «два этапа, в рамках которых господствовали прямо противоположные тенденции культуры и быта» [Скорик 2009б: 418]. Первый этап (первая половина 1930-х гг.) характеризуется доминированием на селе негативных тенденций, обусловленных деструктивными импульсами коллективизации, «раскулачивания», репрессивными акциями сталинского режима в отношении населения деревни, неудовлетворительным состоянием множества колхозов, и связан с разрушением крестьянских жилищ и сельских населенных пунктов. Напротив, в рамках второго этапа (вторая половина 1930-х гг.) на селе доминировали позитивные тенденции, обусловленные преодолением негативных результатов форсированной коллективизации и организационно-хозяйственным укреплением колхозной системы: «улучшилось материальное обеспечение колхозников, активно создавались сельские учреждения культуры, просвещения, образования, здравоохранения и пр.» [Скорик 2009б: 418-419]. Поддерживая эти суждения, приведем свою аргументацию и на конкретно-историческом материале обоснуем неоднозначность сельского поселенческого обустройства на Юге России в 1930-е гг.

Идеологические воззрения большевиков и их социокультурные предпочтения в качестве образца для перестройки деревни обозначали социалистический город. Именно город и городской пролетариат как социальная опора компартии должны были не только руководить «мелкобуржуазной» деревней [Сталин 1946: 271], но и превратить ее и сельских жителей в собственное подобие. Поэтому во время коллективизации приобрели актуальность проекты устройства агрогоро-

дов, в определенной мере перекликавшиеся с европейскими проектами «города-сада» [Гутнов, Глазыхев 1990: 85-89] и разработавшиеся еще в 1920-х гг. советскими архитекторами-энтузиастами.

Агрогорода представляли собой населенные пункты, располагавшиеся в сельской местности, но лишённые привычной (хаотичной) деревенской застройки, устроенные по единому плану и по городскому образцу, обеспеченные благами цивилизации (водопроводом, электроэнергией, радио и т.п.), с общественными зданиями, такими как клубы, детские сады, школы и пр. [История советской... 1985: 76-81]. Перечень новых элементов, без которых не мыслилась колхозная деревня, наглядно представлен на одной из иллюстраций в журнале «Коллективист», где изображены телефон, радио, кино, общественная столовая, изба-читальня, детский сад, электрическое освещение¹. Возникали в 1930-е гг. также идеи застройки сельских поселений многоэтажными домами.

Но в первой половине 1930-х гг. на Юге России возобладало не переустройство сельских населенных пунктов, а деструктивные тенденции, в т.ч. переселение коммунаров в общежития и разрушение их частных домов². Широко распространённое бегство крестьян из деревни во время коллективизации, «раскулачивание», репрессии, гибель множества сельских жителей от голода привели к запустению значительного числа жилищ в селах, станицах, хуторах Дона, Кубани, Ставрополя и Терека. В апреле 1934 г. сотрудники Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) фиксировали в сельских районах края 26 тыс. пустующих домов, из них «вполне годных для жилья» — 5,1 тыс. [Бондарев 2009: 277]. По свидетельству работников политического отдела Усть-Лабинской МТС, они бывали в бригадах, в хатах колхозников и даже «посетили дома, в которых уже не было жильцов — кулацкие хаты» [Каравай 1934: 15].

Значительное число опустевших домов (а в иных селениях — большинство) разрушались. Этим занимались местные власти для удовлетворения своих нужд и обычные деревенские обыватели, ломавшие дома бывших односельчан на топливо или стройматериалы. Одновременно растаскивались хозяйственные постройки и ограды в покинутых усадьбах, вырубались росшие там сады [Скорик 2009а: 462-466]. Эта тенденция разрушения подтверждается многочисленными свидетельствами первой половины 1930-х гг. Пострадали станицы Динская, Ленинградская, Копанская, Ново-Щербиновская и др.³

Но сельская действительность была многомерной, и деструктивные явления сосуществовали с позитивными созидательными процессами: совершенствовалась инфраструктура населенных пунктов, прокладывался водопровод, появлялось радиовещание, электрическое освещение, велось строительство и осуществлялся ремонт помещений школ, изб-читален, детских садов, колхозных клубов, принимались меры по обеспечению пожарной безопасности, развернулась борьба за улучшение санитарно-гигиенических условий в хуторах, селах и станицах и т.д. Такая разумная стратегия способствовала расширению социальной базы преобразований и повышению их результативности.

Сельсоветам Дона, Кубани, Ставрополя и Терека, особенно состоявшим из неравнодушных, добросовестных работников и возглавлявшимся инициативными председателями, а не «портфельщиками» [Панкова-Козочкина 2014: 276], даже в условиях «великого перелома» удавалось изыскивать возможности

¹ *Коллективист*. 1931. № 21. С. 10.

² Соколов А. Клеветники. — *Молот*. 1934. 24 марта.

³ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 114. Л. 41-42, 43, 90; Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 127. Л. 14; Павлов А. Записки переселенца. О найденном дневнике, который мог стоить жизни его автору. — *Советская Кубань*. 1991. 18 янв.

и средства для строительства общественных зданий, озеленения, поддержания сел и станиц в порядке и чистоте. Большую помощь оказывали местные колхозы (обычно это делали крепкие в организационно-хозяйственном отношении хозяйства): они предоставляли работников, тягло, повозки и материалы. В частности, к середине 1930-х гг. на Кубани «один из лучших образцов борьбы за культурный быт, за благоустройство села» представляла станица Дондуковская Майкопского района. Станичный совет бдительно следил за побелкой жилых домов, содержанием в порядке оград и прилегающей к домовладениям территории: на одной из фотографий, где запечатлена станичная улица, видны аккуратные заборы из штакетника, перед которыми ровными рядами высажены побеленные известью молодые деревца. Кроме того, Дондуковский стансовет провел подготовительные мероприятия к организации в станице парка культуры и отдыха¹.

Представители власти прилагали существенные усилия к улучшению санитарии и гигиены в южнороссийских селениях. Характерным является принятое в июле 1934 г. Вешенским райкомом ВКП(б) решение о создании из числа работников райкома комиссии «для приведения в порядок улиц и построек станицы Вешенской»: организации побелки домов, устройства или восстановления оград в домовладениях, мощения улиц и очистки их от сорняков².

При оздоровлении сельской действительности власти большие надежды возлагали на колхозниц-активисток [Гадицкая, Бондарев 2014: 110–111]. Когда в январе 1934 г. в Благодарненском районе Ставрополья прошел слет колхозниц-ударниц, его участницы обратились к односельчанкам с призывом «включиться в культурный поход», развернуть соревнование за лучший чистый двор, чистую хату, и пр.³ В сентябре того же года Ставропольская районная конференция колхозниц-ударниц приняла обращение, в котором говорилось: «Приехав домой, мы развернем на деле месячник борьбы за чистоту, за хорошее санитарное состояние села и человеческую гигиену. В этот месячник мы обязаны выдрать бурьян с улиц сел и хуторов, убрать мусор, обломки камней, привести в чистоту свои улицы, каждый дом выбелить, навести чистоту во дворе и обязательно в каждом колхозе построить общеколхозную культурную баню»⁴. Для подъема женской активности в общественных делах власти использовали даже слеты «ударниц-старух» [Гадицкая, Скорик 2009: 169].

В середине – второй половине 1930-х гг. в селе Изобильном Северо-Кавказского края появился водопровод [История городов... 2002: 302]. Но нередко на Юге России селения либо вовсе не имели источников и колодцев (из-за чего жителям приходилось устраивать цистерны для сбора и хранения дождевой воды), либо качество колодезной воды оставляло желать лучшего. Так, в кубанской станице Полтавской вода была соленая, «пахла болотом и была жесткая от присутствия извести». Однако здесь же к концу 1920-х гг. работали две электростанции – одна «для кино», вторая – для «освещения на 1000 лампочек» [Тархова 1997: 38, 39] при наличии 2,6 тыс. дворов.

Во второй половине 1930-х гг. постепенно формировался центральный архитектурный ансамбль коллективизированных сел и станиц Юга России: «на

¹ *Азово-Черноморский исполнительный комитет Советов. Отчет о работе. 1931–1934 гг.* (отв. ред. Л.С. Родин). Ростов н/Д. 1935. С. 81, 82.

² ЦДНИРО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 39. Л. 56.

³ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 56. Оп. 1а. Д. 4. Л. 4.

⁴ Обращение Ставропольской районной конференции колхозниц-ударниц к колхозникам Северо-Кавказского края о повышении культуры производства и быта. 8 сентября 1934 г. – *Голоса из провинции: Жители Ставрополья в 1930–1940 годах*: сборник документов (науч. ред. Т.А. Булыгина). Ставрополь. 2010. С. 251.

центральных улицах или площади расположены здания правления колхоза, сельского Совета, клуба или дома культуры, кинотеатра, библиотеки, почтового отделения, сберкассы, магазинов, рынка, различных мастерских бытового обслуживания, столовой и др. В центре станицы много зеленых насаждений, цветников, есть скверы, парк» [Кубанские... 1967: 123]. Одним из неперенных советских архитектурных элементов каждого более или менее крупного сельского населенного пункта являлся памятник либо обелиск. Они фиксируются в селах и станицах Юга России уже с 1920-х гг. [Багдасарян, Скорик 2012: 57-62], а в 1930-х гг. масштабы подобной практики увеличились. Обычно в 1930-х гг. сооружались памятники В.И. Ленину, И.В. Сталину, а также борцам за советскую власть, погибшим в годы Гражданской войны. В донской станице Каргинской «посреди площади [имелось] отгороженное место с памятником черным, деревянным и надпись: “Борцам пролетарской революции, погибшим в борьбе с бандитизмом”. И вокруг огород, очевидно школьный» [Михаил Шолохов... 2005: 280]. В центре поселка Целина Ростовской области можно было увидеть «небольшого, размером в мальчика, гипсового Ленина. Он выбеливается так часто, столь густо, что утолщенные мелом ленинские лацканы, воротничок, галстук слиты в одно, как общее творчество многих женщин-активисток, выбеливающих монумент ко всем праздникам и после каждой пыльной бури. У подножья памятника пестреют обильно политые петунии»¹.

К исходу 1930-х гг. не только на Дону, но и на Кубани, Ставрополье, Тереке насчитывалось немало благоустроенных сел и станиц. Ставропольские исследователи в 1939 г. с обоснованной гордостью утверждали: «Мы сейчас очевидцы того, как меняют облик ставропольские селения, терские станицы...» [Наш край... 1939: 38]. Партработники Ипатовского района Орджоникидзевского (Ставропольского) края гордо заявляли: «Мы в райцентре [село Ипатово] построили хорошие дороги»². В селе Петропавловском Арзгирского района того же края имелись средняя школа, стадион, Дом культуры, больница, почта, магазин, мельница, а в селе Серафимовском того же района и края функционировали средняя школа, библиотека, киноустановка, детские дошкольные учреждения [История городов... 2002: 212, 217].

Однако нерешенные проблем в сельской обыденности на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке с избытком хватало и на исходе 1930-х гг. Так, в 1938 г. хутор Базки (районный центр Ростовской области) оставался «крайне неблагоустроенным»³. Летом 1940 г. Благодарненский райком ВКП(б) Орджоникидзевского края признавал неудовлетворительным водоснабжение населенных пунктов, включая и райцентр. Население вынужденно собирало дождевую воду в цистерны или бассейны, но если наступала засуха, то воду приходилось привозить за 15–20 км. Жители района пользовались также водой из балки Мокрая Буйвола, загрязненной и с горько-соленым вкусом. Начавшееся в районе в 1937 г. строительство водопровода, на которое потратили около 1 млн руб., законсервировали в связи с дефицитом средств (требовалось до 3 млн руб.)⁴.

Осенью и весной, зимой (во время оттепели) и летом (после дождей) селянам приходилось передвигаться по такой «жуткой» и «могучей» грязи, из нее сложно было вытащить ногу. Если в грязь забредал инвалид, то ему приходилось дожидаться помощи, чтобы выбраться на сухое место. Председатель Усть-Лабинской

¹ Фоменко В.Д. 1992. *Записки о камере*. Рассказы разных лет. Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство. С. 141.

² ГАНИСК. Ф. 55. Оп. 2а. Д. 26. Л. 5.

³ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 41. Л. 130.

⁴ ГАНИСК. Ф. 56. Оп. 1а. Д. 37. Л. 25.

коммуны «Ленинские заветы» был безногим инвалидом, «его протез постоянно застревал в грязи, и в ней несчастный председатель простаивал часами, пока не выручали» [Каравай 1934: 33]. Наученные горьким опытом, сельские жители обычно не месили грязь посреди улицы, а предпочитали пробираться вдоль улиц «по плетням». Подобная зарисовка встречается у М.А. Шолохова, когда весной старший агроном Черноярской МТС Николай Стрельцов едет на коне по улице своего родного хутора Сухой Лог и видит неподалеку «осторожно пробиравшегося возле плетня, оскользавшегося по грязи [учителя] Овражного»¹ — того самого, который завел шашни с женой Стрельцова. Заметим, в 1930-х гг. крестьяне считали грязь чем-то вроде эталона крайней отсталости, дремучести, неблагоустроенности деревни: «Чего мы в наших хуторах видели, кроме грязюки?»².

Итак, на протяжении 1930-х гг. мероприятия местных властей на Юге России, осуществленные и поддержанные сельской интеллигенцией и активистами, женщинами-ударницами, колхозами, совхозами и МТС, строительными организациями и т.д., привели к повышению степени благоустройства и оптимизации санитарно-гигиенических условий во многих селах и станицах. Разрушительные импульсы сплошной коллективизации в начале — первой половине 1930-х гг., оказавшие крайне негативное влияние на сельскую обыденность, во второй половине десятилетия были постепенно преодолены. Вместе с тем даже к исходу 1930-х гг. результаты модернизации сельских населенных пунктов Юга России оставались скромными в связи с огромным объемом работ, финансовыми затруднениями и дефицитом ресурсов. Крестьянский образ жизни по-прежнему сильнейшим образом отличался от городского. Замыслы большевиков о коренной перестройке деревни по образцу социалистического города, о ликвидации различий между городом и деревней не были воплощены в жизнь в 1930-х гг. в сколь-нибудь значительной степени.

Список литературы

Багдасарян С.Д., Скорик А.П. 2012. *Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы*. Новочеркасск: Лик. 239 с.

Бондарев В.А. 2009. Сельское жилище на Дону и Кубани в эпоху «великого перелома»: масштабы и направления трансформаций. — *Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.*: сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 273–283.

Гадицкая М.А., Бондарев В.А. 2014. *Трудовая повседневность колхозной деревни: складывание новых производственных отношений в селах и станицах Юга России 1930-х годов*. Новочеркасск: Лик. 284 с.

Гадицкая М.А., Скорик А.П. 2009. *Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет*. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 324 с.

Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. 1990. *Мир архитектуры: Лицо города*. М.: Молодая гвардия. 352 с.

История городов и сел Ставрополя: краткие очерки (науч. ред. А.А. Кудрявцев, Д.В. Кочура). 2002. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 702 с.

История советской архитектуры (1917–1954). 2-е изд., перераб. и доп. (под ред. Н.П. Былинкина, А.В. Рябушина). 1985. М.: Стройиздат. 256 с.

Каравай М. 1934. *Политотдел*. М.: Партиздат. 80 с.

Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани (отв. ред. К.В. Чистов). 1967. М.: Наука. 356 с.

Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников.

¹ Шолохов М.А. 1994. *Они сражались за Родину. Судьба человека*. М.: Дружба народов. С. 18.

² Фоменко В.Д. 1992. *Указ. соч.* С. 75.

В 2 кн. Кн. 1. 1905–1941 гг. 2005. М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М.А. Шолохова. 813 с.

Наш край (сельское хозяйство Орджоникидзевского края) (под ред. В. Воронцова, Р. Саренца). Вып. 1. 1939. Пятигорск: Книжное издательство. 44 с.

Панкова-Козочкина Т.В. 2014. *Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы*. Новочеркасск: Лик. 308 с.

Скорик А.П. 2009а. *Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований*. дис... д.и.н. Ставрополь. 540 с.

Скорик А.П. 2009б. *Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности*. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 508 с.

Сталин И.В. 1946. Современный момент и объединительный съезд рабочей партии. – *Сочинения*. М.: ОГИЗ. Т. 1. С. 250-276.

Тархова Н.С. 1997. Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932/1933 гг. (По материалам РГВА). – *Голос минувшего*. № 1. С. 38-42.

GADITSKAYA Marina Aleksandrovna, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Chair of General History, Faculty of History and Philology, Sochi Institute (branch) of the Russian University of Friendship of the People (32, Kutibysheva St, Adler district, Sochi, Krasnodarsky region, Russia, 354348; marinagaditskay@mail.ru)

VILLAGES OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF THE COLLECTIVE SYSTEM FORMATION IN THE 1930s

Abstract. The article reveals the infrastructure changes in rural settlements of the South of Russia due to collective farm construction. The author marks positive and negative trends in settlement construction, and shows how the appearance of the settlements changed in the second half of the 1930s. The article also shows what benefits of civilization became available to rural residents as a result of the Soviet transformations. The author explains why many problems of improvement had not been resolved by the end of the 1930s.

Keywords: agro-city, improvement, collectivization, destruction, repair, villages, village councils, Cossack village (stanitza), construction, farms

---